

ФОТО ИЗ АРХИВА С. ГРОВЕНСКОГО

Александр Исаевич Солженицын, каким я его помню

СМЕРТЬ великого писателя Александра Исаевича Солженицына — одна из самых тяжелых потерь уходящего года. Автор статьи был его учеником в рязанской школе, где будущий нобелевский лауреат преподавал физику и астрономию. Шахматная тема — не главная в этих воспоминаниях, но все имеющее отношение к жизни А.И. Солженицына, которому 11 декабря исполнилось бы 90 лет, представляет большой интерес.

В 1961 году я окончил 2-ю среднюю школу Рязани. В пору моего детства она была известна тем, что в 60-е годы XIX века в размещавшейся в ее стенах духовной семинарии учился будущий академик, лауреат Нобелевской премии И.П. Павлов, а в 20-е годы прошлого века здесь получил начальное образование многократный сталинский лауреат писатель К.М. Симонов. В мои школьные годы особенной симпатией учеников пользовался преподаватель физики и астрономии Александр Исаевич Солженицын, которого мы за глаза называли «Исаич». Я считаю своим долгом рассказать о малоизвестной стороне его деятельности в конце 50-х годов, когда имя Александра Исаевича было известно лишь узкому кругу знакомых, считанному числу коллег да несколькими десяткам учеников. Случилось так, что Александр Исаевич пришел в наш 8А класс не с начала учебного года. Чем запомнился его первый урок. Пробежав в классном журнале список учащихся, он вызвал к доске меня, видимо заинтересо-

вавшись учеником с громоздкой фамилией. Мы изучали закон сохранения энергии. Учитель скомкал в шарик подвернувшийся под руку исписанный лист бумаги, подбрасывал его, ловил и спрашивал, как происходит превращение потенциальной энергии в кинетическую и наоборот. Вопросы учитель ставил простые, и я легко получил «5», удостоившись одобрительной улыбки Исаича.

Что же отличало Солженицына-педагога? Прежде всего — пунктуальность. За считанные минуты до урока приходил он в школу. Едва звучал звонок на перемену, урок прекращался. Солженицын не имел привычки задерживать учащихся и не мешкая покидал школу сам. Бывало, еще перемена после физики не кончилась, а он уже своей стремительной походкой удалялся от здания школы. Несомненное педагогическое дарование и живущее в нем творческое начало позволяли ему не только прививать ученикам любовь к физике, одному из труднейших школьных предметов, но и делать урок увлекательным. Помню, он читал сочиненный им

«Рассказ незадачливого фантаста», а мы должны были отмечать содержащиеся в нем ошибки, относящиеся к изучаемой теме. Чем больше неточностей обнаружишь у «фантаста», тем выше получишь оценку.

Другой раз Александр Исаевич предложил конкурс на лучший способ определения географической широты, а услышав один из ответов, среагировал: «Всё очень хорошо. Только каждый раз, как понадобится узнать, на какой широте находишься, придется лезть в центр Земли». В этом же духе звучали и его иронические замечания к определению коэффициента полезного действия устройства, никакой пользы не приносящего. Рассказывая о скорости звука, он вспомнил, что на фронте в ходу была поговорка: «Не бойся пули, которая свистит» — раз ты ее слышишь, значит, она не в тебя. Той единственной пули, которая тебя убьет, ты не услышишь. Примеров таких можно приводить еще очень много. Зная о моем увлечении шахматами, Александр Исаевич иногда заговаривал о них. Вспоминая о

годах юности, рассказывал, что было время, когда и сам ими увлекался, участвуя в турнирах, получил третью категорию. Позднее он разочаровался в «игре королей», считая, что она вынуждает человека тратить много энергии вхолостую. Высказывался в том смысле, что наши шахматные успехи потому и афишируются, чтобы прикрыть отставание в иных, более важных областях. Помнится, между нами состоялся такой диалог:

— Все-таки, Сережа, шахматы напрасно отнесены к спорту.

— Почему?

— Да потому что спорт предполагает физическое развитие человека. А если шахматы — спорт, то почему бы не причислить к спорту домино, карточную игру и еще бог знает что?

— Александр Исаевич, давайте договоримся о терминах. По-моему, спортивное состязание — это соревнование, участники которого находятся в равных условиях и успех не зависит от случайности. Потому-то шахматы — спорт, а домино и карты — нет.

— Все же спорт обязательно предполагает физическое соревнование.

— Что же тогда, по-вашему, шахматы? Игра, средство убить время?

— Наверное, шахматы ближе к науке. Есть же учебники шахматной игры, да и успех в них во многом зависит от того, насколько добросовестно проштудирован учебник...

Жаль, не запомнил я, чем наш спор завершился. Не думал, что придет время, когда мнение моего школьного учителя по самым разным вопросам будет представлять интерес.

Заметно было, что среди именитых шахматистов симпатии у Александра Исаевича вызывали те, кто совмещал игру с достижениями в других интеллектуальных областях. Так, он с

уважением отзывался о многолетнем чемпионе мира Эмануиле Ласкере, бывшем доктором философии и математики. При этом не скрывал, что не любит доктора наук М. Ботвинника за его, как ему казалось, слишком практичный стиль игры, и всю жизнь «болел против» него. Во время матчей на мировое первенство между М. Ботвинником и М. Талем Солженицын желал успеха молодому рижанину. Первые поражения Таля в матче-реванше повергли Александра Исаевича в уныние: «Ну, как же так, какая досада!» — восклицал он со скорбным выражением лица. Когда же матч-реванш

... КЛАСС РАЗВЕСЕЛИЛСЯ, НО ИСАИЧ УМЕЛ
ОБУЗДЫВАТЬ ВЕСЕЛЬЕ, НАПРАВЛЯЯ ЭНЕРГИЮ
УЧЕНИКОВ В НУЖНОЕ РУСЛО.

завершился, сделал вывод, что результат противоестественен и вызван болезненным состоянием М. Таля.

В школе существовал порядок: в начале первого урока преподаватель несколько минут должен посвятить текущей политической информации. Когда школьный день начинался с физики, беседа была предельно краткой — несколько фраз о важнейших событиях. Как-то, когда политическая информация закончилась, и Александр Исаевич устремился к доске, я позволил себе реплику с места: «А спортивные новости?!». Исаич только буркнул: «Хватит. Им еще спортивные новости!». И тут же, начав писать на доске физическую формулу, бросил взгляд в мою сторону, продолжил: «Я слышал, что проходит чемпионат школы по шахматам, в котором Гродзенский, втайне конечно, претендует на первое место. Вот, когда турнир закончится, обязательно на политической информации оглашу его итоги».

Я почувствовал, что краснею, класс развеселился, но Исаич умел обуздывать веселье, направляя энергию учеников в нужное русло. А чемпионат школы мы действительно тогда проводили. За отсутствием специального помещения игра проходила в свободном классе. Бывало, занимали шахматисты и физический кабинет. Помню, Александр Исаевич задержался возле одной из досок. Обратив внимание на первые ходы, произнес: «Сицилианская защита».

— Вы и это знаете? — осведомился я.

— Когда-то немного знал теорию дебютов. Теперь помню лишь

названия нескольких начал, — ответил Солженицын. Он назвал дебюты, которые предпочитал в пору увлечения шахматами, но, честно

скажу, я пропустил это мимо ушей: шахматные вкусы бывшего третьекатегорника меня не особо интересовали. ...Вдруг один из участников турнира порывисто встал из-за стола и, ни на кого не глядя, вышел.

— Что, проиграл Валерий? — послышался голос сидевшего в дальнем углу и, казалось, поглощенного своими делами А.И. Солженицына. Встретив мой кивок, прокомментировал: «Я так и понял. Для шахмат он слишком разболтан».

Услышав, что какой-то турнир проводится по швейцарской системе, поинтересовался, в чем ее суть, так как до этого знал только круговую («каждый с каждым») и олимпийскую («проигравший выбывает»). Когда я объяснил существование «швейцарки», он назвал ее «методом последовательных приближений при определении относительной силы шахматиста». Все же занятий шахматами он не одобрял. На одном из уроков после моего не слишком удачного ответа с грустью заметил: «Сказывают шахматные неудачи».

В тот день местная газета сообщила итоги юношеского чемпионата Рязани, в котором я сыграл плохо. А в конце последнего учебного года, увидев в газете мое имя среди участников юношеского первенства области, Александр Исаевич с укоризной заметил: «Ты, наверно, все лето будешь играть в шахматы, а потом опозоришь школу на вступительных экзаменах в институт». Тем не менее и я, и почти все другие ученики А.И. Солженицына нашего выпуска на вступительных экзаменах по физике получили «пятерки». Встретившись со мной, Александр Исаевич подробно расспрашивал меня о том, как проходил экзамен, радовался успехам своих учеников.

Учитель физики трепетно относился к русской речи. Болезненно реагировал на ее искажения. Когда в его присутствии поправили сказавшего «слесаря» вместо «слесари», он сказал: «Язык — живой, развивающийся организм. Было время, нельзя было произнести «профессора» — обязательно «профессоры», а теперь не слышно, чтобы так говорили. Пройдет время, и все станут говорить «слесаря», «токаря». Это будет считаться единственно правильным. Я думаю, будут говорить «ихний», что совсем не по правилам».

Я не удержался от реплики: — Александр Исаевич, а мы по биологии проходили, что любой «живой, развивающийся организм» рано или поздно умирает?! — Так, и язык умирает, есть даже такое понятие «мертвый язык», в том смысле, что он не употребляется в разговорной речи. Скажем, латынь. Правда, в Израиле пытаются воскресить мертвый древнееврейский язык — иврит, но я не уверен, что это получится. Мало что могу вспомнить о его литературных привязанностях. Огорчившись, что я не читал Сте-

фана Цвейга (он произнес — «Цвайга»), высоко оценил творчество этого писателя, его биографические романы и особенно «Америко». По поводу одной из экзаменационных тем по литературе, посвященной творчеству М. Горького, заметил: «К сочинению готовиться совсем просто. Каждый год дают тему по Горькому». Сказано это было таким тоном, что можно подумать, будто этот учитель физики непочтительно относится к «основоположнику соцреализма». Услышав, что мы изучаем на уроке литературы новый рассказ Шолохова «Судьба человека», с недоверием осведомился: «Неужели такое

Не имея особого интереса к фотографированию, я любил общаться с учителем физики и потому с удовольствием занимался в кружке. Во время каникул после 9-го класса нужно было месяц посвящать общественно полезному труду. Я с радостью трудился под руководством Александра Исаевича над оформлением стендов.

Из того времени мне запомнился короткий диалог между нами в фотолаборатории. Я был в восторге от только что прочитанного романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Он в ответ пожал плечами: «Не понимаю, как можно вдвоем работать над литературным произведением. Не представляю, как я стал бы писать с соавтором». Я еще подумал про себя: о каком это соавторстве говорит физик, ведь не для написания методички к лабораторной работе нужен помощник, и спросил: «Вы пишете?». — «Я сейчас работаю над одной вещью». Лицо Александра Исаевича приняло страдальчески-озабоченное выражение, но тотчас просветлело, и он круто сменил тему разговора. Наверное, пишет пособие по физике, — решил я, поскольку он поругивал официальный учебник Перышкина. Больше о его литературных занятиях мы не заговаривали.

То, что мой школьный учитель — писатель, я узнал только после публикации «Одного дня Ивана Денисовича». А много лет спустя выяснилось, что создан этот шедевр был в июне 1959 года, когда я проходил практику в фотолаборатории. Вот, оказывается, над чем он тогда работал!

19 ноября 1962 года я, студент второго курса Рязанского радиоприемного института, пришел домой, озабоченный предстоящей экзаменационной сессией. Едва переступил порог, отец спрашивает: — У тебя в школе, кажется, был учитель по фамилии Солженицын?

**НЕСМОТЯ НА ВНЕШНЮЮ ОТКРЫТОСТЬ
СОЛЖЕНИЦЫНА, ЕГО ЖИЗНЬ ЗА ШКОЛЬНЫМ
ПОРОГОМ БЫЛА НАМ НЕВЕДОМА.**

посредственное произведение собираются включить в школьную программу? Услышав утвердительный ответ, рассмеялся.

Один из учеников сочинил шуточную пьесу, в которой под фамилиями-характеристиками («Сорокина», «Тугодумов») легко узнавались одноклассники. Исаич сказал, что такой литературный прием ему неприятен. На замечание, что им пользовались Фонвизин да и Гоголь, возразил, что вел речь не о литературе XVIII и первой половины XIX веков. Догадывались ли мы, что он — писатель? Нет, могу сказать определенно. Несмотря на внешнюю открытость Солженицына, его жизнь за школьным порогом была нам неведома. Мы знали о нем меньше, чем об иных учителях, чьи радости и горести живо обсуждались учениками.

Что можно сказать о его тогдашних увлечениях? Он любил теннис, туристические походы, но казалось, что его главное пристрастие — фотодело. Исаич организовал из нескольких учеников нашего класса фотокружок.

9.1.63.

Милый Сережа!

Я транзит твоим письмом и твоим неизменной привязанностью. С интересом прочел новье о тебе сведения.

Я не возражал бы как-нибудь с тобой побеседовать вечером, но затрудняюсь заранее назвать дату.

Школу я сейчас покидаю до сентября, однако еду к директору быть на вечер встречи с быв. выпускниками (он же — «вечер за честь школы»). М.б. ты займешь куда после сессии? (это будет, наверно, 26 января).

Откровенно знаю ты мне напомнил что-то странное, что я забыл. Рамки репрессий, во всяком случае, дано не было, верно.

А «об себе пишешь» — несколько задрано и к тому же уже по адресу памяти, — неприлично.

Мой поклон твоим маме и папе.

А.У.

— Да, физик — отвечаю с удивлением, поскольку родитель никогда не проявлял особого интереса к моим учебным делам, а школьная тема и подавно уже более года как была исчерпана.

— Смотри-ка, он, оказывается, великий писатель, — говорит отец, протягивая мне свежий номер «Известий», в котором внизу пятой полосы заметка К. Симонова «О прошлом во имя будущего», начинающаяся словами: «О небольшой повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», только что опубликованной в 11-й книжке «Нового мира», наверное, будет написано

много статей. А пока, только что, перевернув ее последнюю страницу, мне хочется высказать лишь несколько мыслей вслух». Высказав «мысли вслух», Симонин завершает заметку: «Повесть «Один день Ивана Денисовича» написана уверенной рукой зрелого, своеобразного мастера. В нашу литературу пришел сильный талант. У меня лично не остается в этом никаких сомнений». Признаюсь, похвала Симонова мало в чем убеждала, а «зрелым мастером» и «сильным талантом» кого только из соцреалистов не именovali! Потому-то слова отца о моем учителе как о великом пи-

сателе в тот момент были сказаны с большой долей иронии. Через несколько дней отец отъехал в Москву и вскоре звонил полный восторженных впечатлений от прочитанного «Одного дня...».

Я посетил А.И. Солженицына, поздравил с литературным дебютом и поинтересовался, где происходит действие «Одного дня...», упомянув знакомые мне с детства названия: Джекказган, Экибастуз, Новорудное, Карсакапай. Александр Исаевич назвал Экибастуз. Подумалось мне, что я мог бы рассказать что-то интересное Солженицыну — собирателю материалов на лагерную тему.

В канун наступления 1963 года шло А.И. Солженицыну письмо, в котором помимо поздравлений и пожеланий излагаю сведения, могущие его заинтересовать. «Многое из того, о чем написано в повести, известно мне от отца, который также был репрессирован и отбывал заключение в Воркутлаге, где я и появился на свет в августе 1944 года, — писал я и продолжал: — Говоря языком кино, «Один день Ивана Денисовича» — это кадр, талантливо показанный крупным планом. Ждем от Вас полнометражного фильма. Я выдам Вам нашу ребяческую тайну. Вы, конечно, знаете, что ученики всегда награждают своих учителей различными кличками. Вас мы, Ваши ученики, всегда именovali между собой уважительно и ласково — «Исаич». Мы называли Вас так даже тогда, когда приходилось с горечью сознаваться: Исаич залепил мне сегодня двойку. Я, как и все мы, всегда знал, что Вы великолепный и разносторонний педагог. Мне нравилось, что математик, физик и астроном Исаич свободно заменяет и литератора. Но каково было мое удивление, когда я узнал, что Вы еще и талантливый писатель».

В письме я сказал, что отец имеет два небольших замечания по тексту повести. Во-первых, из рассказа бригадира Тюрина следует, что в 30-м году комполка носил четыре шпалы, чего не могло

быть, а во-вторых, желая урезонить, говорили: «Много об себе понимает», а не «много об себе думает», как рассуждает Иван Денисович Шухов.

Через несколько дней пришел ответ.

«Милый Сережа!

Я тронут твоим письмом и твоей неизменной привязанностью. С интересом прочел новые о тебе сведения. Я не возражал бы как-нибудь с тобой побеседовать вечером, но затрудняюсь заранее назвать дату. Школу я сейчас покидаю до сентября, однако обещал директору быть на вечере встречи с бывшими выпускниками (он же — «вечер за честь школы»). М. б. ты заглянешь туда после сессии? (Это будет, наверно, 26 января). Относительно шпал ты мне напомнил что-то смутное, что я забыл. Ромбов четырех, во всяком случае, долго не было, верно. А «об себе понимает» — несколько затрепано и к тому же уже по объему понятия, — неприемлемо.

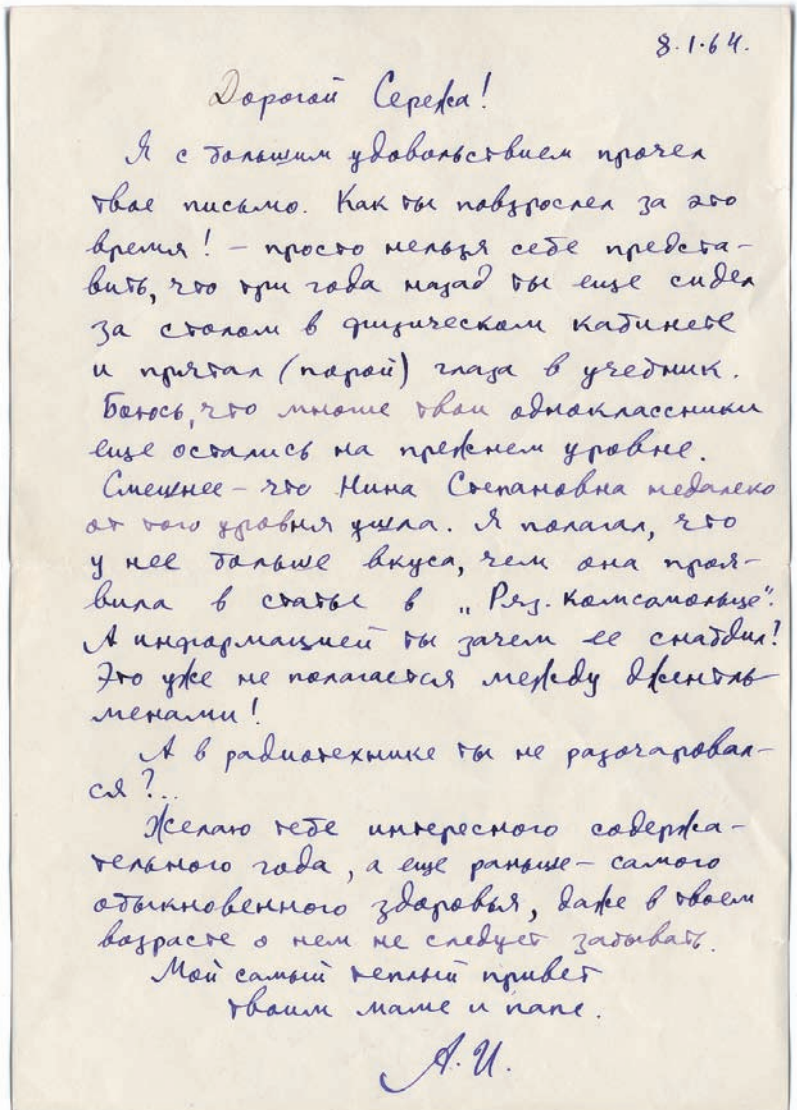
Мой поклон твоим маме и папе.

А.И.»

Школьный «вечер встречи» 1963 года состоялся 9 февраля. Солженицына интересовала судьба моего отца — ветерана Воркутлага и Карлага. Я рассказал то немногое, что знал, вспомнив грустно-шутливое высказывание родителя: «Я получил три срока от трех врагов народа: по одному от Ягоды, Ежова и Берии». Прощаясь после вечера с Исаичем, я повторил то, что писал ему в письме: «Один день Ивана Денисовича» — это всего лишь отдельный кадр, а нужен полнометражный фильм».

— Будет и полнометражный фильм, — пообещал Солженицын. Не ведал я тогда, что «фильм» вовсю готовится и уже есть у него название — «Архипелаг ГУЛАГ». Некоторое время спустя по просьбе Александра Исаевича я познакомил его с моим отцом.

«Архипелаг ГУЛАГ» начинается словами: «Эту книгу непостоянно было бы создать одному человеку. Кроме всего, что я

вынес с Архипелага — шкурой своей, памятью, ухом и глазом, материал для этой книги дали мне в рассказах, воспоминаниях и письмах — [перечень имен]. Я не выражаю им здесь личной признательности: это наш общий дружный памятник всем замученным и убитым. ... Но не настала та пора, когда я посмею их назвать». В последнем издании «Архипелага ГУЛАГа» имена названы. В перечне я нашел имя своего отца.

...В течение 1963 года интерес к Солженицыну рос лавинообразно. С просьбой поделиться воспо-

минаниями обратилась и моя школьная учительница литературы (коллега Александра Исаевича по 2-й школе). Я рассказал о своем предновогоднем письме и в газете «Рязанский комсомолец» за 21 ноября 1963 года появилась статья «Учитель», в которой использованы и мои «показания». Когда вновь посылаю поздравление А.И. Солженицыну с Новым 1964 годом, то получаю ответ: «Дорогой Сережа!

Я с большим удовольствием прочел твое письмо. Как ты повзрослел за это время! — просто нельзя себе представить, что три года назад ты еще сидел за столом в

физическом кабинете и прятал (порой) глаза в учебник. Боюсь, что многие твои одноклассники еще остались на прежнем уровне. Смешнее — что Нина Степановна недалеко от того уровня ушла. Я полагал, что у нее больше вкуса, чем она проявила в статье в «Ряз. комсомольце». А информацией ты зачем ее снабдил? Это уже не полагается между джентльменами! А в радиотехнике ты не разочаровался?

Желаю тебе интересного содержательного года, а еще раньше — самого обыкновенного здоровья, даже в твоём возрасте о нём не следует забывать.

Мой самый тёплый привет твоим маме и папе. А.И..».

Из письма ясно, что Исаич помнил нашу беседу о выборе профессии. На исходе десятого, выпускного, класса он поинтересовался, куда собираюсь я поступать после школы. Я ответил, что предпочёл бы заняться точными науками, а родители хотели бы видеть меня врачом. Исаич оживился и сказал, что мнение моих родителей он одобряет. Почему? Да потому что профессия врача очень нужна в любых жизненных ситуациях, особенно это чувствуется... в заключении.

«Попал я в лагерь, — начал Александр Исаевич и, не обращая внимания на мой вопросительно-растерянный вид, продолжал, — и там понял преимущество профессии врача. Представляешь, первыми загибались историки, философы, вообще разные гуманитарии, которых использовали на тяжёлых, так называемых «общих работах». Меня спасло то, что я — математик, смог попасть в «придурки» — на должность инженера. Теперь завидовал медикам, которые чувствовали себя в лагере еще вольготнее. Бывало, перед врачом-эконом снимало шапку лагерное начальство».

Меня поразило этот принцип выбора жизненного пути: овладев той профессией, которая пригодится, если попадёшь в тюрьму!

Через несколько дней после школьного выпускного вечера, повстречав меня на улице, он спросил: «Итак, что решил семейный совет? Куда поступаешь?». Я сказал, что уже подал документы в радиотехнический институт, на что Исаич отреагировал с легкой укоризной: «Ну и характер у тебя, упрямец».

Пару лет спустя я увидел Солженицына в областной библиотеке. Это произошло вскоре после того, как было вынесено решение не присуждать автору «Одного дня...» Ленинскую премию. «Премии — дело наживное», — резюмировал Исаич. На мой вопрос, устоит ли «Новый мир», Александр Исаевич сказал, что он в библиотеку зашел как раз для того, чтобы по периодике за 1954 год оценить обстановку, которая тогда привела к удалению А.Т. Твардовского из журнала. Когда я спросил про его собственные дела, помрачнел: «Непонятно. Роман мой «В круге первом» по-прежнему в КГБ». Последовала пауза.

Мы поговорили на близкую мне шахматную тему. В то время я увлекался шахматной композицией, и как раз в те дни в «Приокской правде» была опубликована с лестным отзывом моя задача. Александр Исаевич, осведомившись о моих делах, вдруг спросил:

— Что значит «цугцванг» в шахматной задаче, — и продолжал своей обычной скороговоркой, — мне понятно, что значит позиция цугцванга в партии, а вот как может возникнуть цугцванг в задаче, да еще в двухходовке?

Я увлеченно стал объяснять разницу между задачами на угрозу и цугцванг. Он слушал как будто заинтересованно. Но когда я стал давать определения «правильного» и «чистого» мата, Александр Исаевич улыбнулся присущей ему иронической улыбкой, которая в данном случае означала, что усваивать азы шахматной композиции ему неинтересно.

Имя Солженицына все больше предавалось хуле. Его уже в от-

крытую (а не только на «активах») называли врагом. Простое знакомство с ним становилось опасным. И последствия от общения с «литературным власовцем» могли оказаться самые неожиданные. Я же никогда не скрывал своих симпатий к опальному писателю, а одно время он хранил в нашей квартире часть своего литературного архива. Сохранилась записка, адресованная нашей семье:

«Нина Евгеньевна, Яков Давыдович, Сережа!

Сердечно Вас приветствую, благодарю за память! У нас всё пока ничего, надеюсь, что и у Вас. Всего доброго!

30.9.69 Ваш А. Солженицын».

Последний раз я видел А.И. Солженицына майским вечером 1970 года. Выйдя из здания Центрального телеграфа и пройдя квартал вверх по ул. Горького (Тверской), обратил внимание на двух беседующих мужчин. Лицо одного показалось мне очень знакомым, если бы не борода. Я непроизвольно замедлил шаг. «Бородач» бросил на меня взгляд и окликнул: «Сережа?!»

Мы обнялись. Исаич представил меня собеседнику:

— «Это мой ученик из Рязани Сережа Гродзенский». И обратился ко мне: «Сережа. Познакомься. Это писатель Борис Можаяев».

На мой дежурный вопрос о делах ответил с безысходной грустью. Все плохо: и самочувствие, одолевают постоянные головные боли, и личные дела. На прощание Александр Исаевич обнял меня, и я увидел, что по его щекам катятся слезы. Он сказал что-то вроде: «Будь счастлив, дорогой». Я поплелся по Тверской. Через десяток шагов оглянулся. Исаич смотрел мне вслед. Он улыбнулся и приветливо помахал рукой...

Перестройка, гласность. Настали времена, когда знакомство с А.И. Солженицыным уже не темное пятно биографии. Меня просят поделиться воспоминаниями. Берусь за перо, что-то появляет-

30.9.90.

Дорогой Серёжа!

Как же я мог бы тебя "не помнить"? — ты был не рядовой ученик.

И ведь с отцом твоим ты меня познакомил, я был у вас.

Спасибо за память. Воспоминания твои читаю уже не первые. В "Шахматах", по-моему, ты прифантазировал, остальное — наверно, так.

Всего тебе доброго

и кланяюсь твоей маме.

А. Солженицын

ся в печати. Одну вырезку я послал Александру Исаевичу в США, сопроводив запиской, в которой высказал надежду, что он помнит одного из своих учеников. Ответ из Вермонта пришел быстро:

«30.9.90. Дорогой Серёжа!

Как же я мог бы тебя «не помнить»? — ты был не рядовой ученик. И ведь с отцом твоим ты меня познакомил, я был у вас. Спасибо за память. Воспоминания твои читаю уже не первые. В «Шахматах», по-моему, ты прифантазировал, остальное — наверно, так.

Всего тебе доброго и кланяюсь твоей маме.

А. Солженицын».

После триумфального возвращения Солженицына на Родину я внимательно следил за его выступлениями, старался не пропустить никакой публикации о нем. Наконец, решил послать одну из своих книг.

Однажды, это было в феврале 2001 года, дома раздался телефонный звонок:

— Сергей Яковлевич?

— Да, я вас слушаю.

— Сереженька, это — Александр Исаевич.

Профессор, я почувствовал себя учеником, прячущим глаза в учебник. Исаич расспрашивал о разных делах, и професси-

ональных, и семейных. Чувствовалось, что ему приятно слышать о моих результатах в науке. Я поведал, что одно из направлений, которым занимаюсь, — применение теории марковских процессов для исследования надежности систем. Так, всплыло имя выдающегося математика XIX века, академика А.А. Маркова.

Александр Исаевич оживился, вспомнив, что в университете на физмате изучал теорию вероятностей как раз по учебнику Маркова «Исчисление вероятностей», а я тут же упомянул, что Андрей Андреевич Марков был одним из сильнейших русских шахматистов своего времени, соратником М.И. Чигорина.

И увлекшись, начал рассказывать о своей книге «Шахматы в жизни ученых». Исаич вздохнул: «Опять шахматы». Но я не хотел прерывать рассказ, поскольку в то время собирал материал для книги о репрессированных шахматистах и надеялся, что это заинтересует. Ведь одна из глав его эпопеи называется «Музы в ГУЛАГе», и я мечтал о том, чтобы мой «Лубянский гамбит» вышел с предисловием А.И. Солженицына.

Выслушав просьбу, Александр Исаевич выразил сочувствие шахматистам, которые пострадали в годы безвременья, но писать предисловие отказался: «Понимаешь, Серёжа, я вообще не

пишу предисловий. А если писать, то надо предварительно прочитать рукопись. Но на чтение книги про шахматы у меня нет ни сил ни времени».

Когда «Лубянский гамбит» вышел в свет, Солженицын был уже тяжело болен, я послал ему книгу с дарственной надписью. Через некоторое время мне позвонили из его представительства и от имени Александра Исаевича поблагодарили за книгу.

...На школьном выпускном вечере Исаич, намекая на меня, с улыбкой сказал, что пройдут годы и на нашей школе появится мемориальная доска в честь одного из выпускников 1961 года. В музей истории школы поместят классный журнал 10-го «А», предварительно подчистив оценки, недостойные гения... «Много вам придется подчищать, Александр Исаевич!» — в том же тоне откликнулся я.

Теперь на нашей школе есть мемориальная доска, напоминающая, что в этом здании когда-то работал великий писатель и гражданин.

Для меня он остается не пророком, писавшим «Как нам обустроить Россию» и, кажется, знающим, как обустроить весь мир, а 40-летним наставником, обладавшим огромным педагогическим талантом, учиться у которого было подлинным счастьем...